

Радиге А.

**Французские музыканты эпохи
Великой французской революции**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А11

А11 **А. Р.**
Французские музыканты эпохи Великой французской революции / Радиге А. – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 224 с.

ISBN 978-5-519-80173-7

ISBN 978-5-519-80173-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Великая французская революция

Задолго до революции феодальные пережитки тормозили дальнейшее развитие во Франции производительных сил.

Велики были препятствия, мешавшие рождению буржуазной Франции. Крестьянство, хотя лично и свободное, обязано было выполнять многочисленные повинности в пользу помещиков. Сидя на своих клочках земли (в данном случае речь не идет о верхушке крестьянства), крестьяне были вынуждены на кабальных условиях приарендовывать землю у крупных землевладельцев. В пользу помещиков были сохранены многочисленные сеньериальные права, разорявшие крестьян и ставившие их в безвыходное, отчаянное положение. Право охоты на крестьянских землях, право на голубятни, право баналитета (обязанность молоть хлеб на мельницах помещиков), захват помещиками старинных общинных угодий, десятина в пользу церкви, дорожная и прочие повинности мешали свободному развитию непосредственного товаропроизводителя.

Пережитки прошлого мешали также развитию торговли и мануфактур. Правда, Франция производит и вывозит в это время большое количество предметов роскоши, вина, а также различное сырье. У Жореса („История Французской революции“) мы находим красочное описание Марселя того времени: „Обитатели четырех стран сталкиваются здесь, чтобы торговать в нем. Флаги всех наций развеваются в его порту, и он служит житницей для всех южных провинций Франции, для всего побережья Средиземного моря. Кроме морской торговли, в Марселе имеются разные мануфактуры. Он отбил у Генуи производство мыла, оцениваемое в 15 — 20 млн. ливров. Он отбил у Ливорно изготовление коралловых изделий; окрашиваемая в нем кожа и фабрикуемый в нем сафьян лучше берберских; на марсельских мануфактурах производят такие краски, шапки и ткани, которые прежде могли достать в Леванте, причем Марсель сбывает самим жителям Востока продукты индустрии, которые ему удалось отбить у них. Каждый год Марсель отправляет в море 1500 кораблей; его навигация дает занятие более чем 80 тыс. рабочих, и его меновые операции доходят до 300 млн. в год“.

Но несмотря на это, внутри самой Франции, при переезде из одной провинции в другую, существуют еще таможенные заграждения и пошлины. Различные монополии мешают свободе торговли, цеховщина и мелочная регламентация — свободному развитию промышленности.

Обращаясь к классовой характеристике французского общества накануне революции, будет еще недостаточно сказать, что в старой Франции существовало три сословия: первое—духовенство, второе—дворянство и третье сословие—включавшее все остальное население. Только заглянув глубже, мы сможем понять, что крылось под этими названиями.

Целая армия князей, маркизов, герцогов, графов и прочей придворной челяди, окружавшей трон „первого дворянина“ Людовика XVI и его жены Марии-Антуанетты, вела беспечную жизнь, ложась тяжелым бременем на государственное казначейство. В качестве примера укажем на братьев короля графов Прованского и Артуа, в короткий срок задолжавших 10 млн. ливров, или на князя Рогана, долг которого в 30 млн. ливров милостиво уплатил король. Прочие по мере сил старались не отставать от них. Для пышных празднеств и увеселений, охот и разорительной карточной игры, процветавшей при дворе, нужны были деньги, деньги и деньги.

Не отставало от придворного дворянства и высшее духовенство, выходившее из кругов того же дворянства: кардиналы на виду у всех жили со своими любовницами, устраивавшими великолепные приемы. Естественно, что кардиналы и епископы, пользовавшиеся доходами, достигавшими миллионов ливров, являли собой иную картину по сравнению с сельскими священниками.

Кроме придворной аристократии значительную группу составляло провинциальное дворянство—крупное, среднее и мелкое. К дворянству принадлежало также дворянство мантии из верхних слоев судейской и чиновной бюрократии. Понятно, что верхушка буржуазии, особенно финансовой, различные ростовщики и откупщики были тесно связаны с двором и аристократией.

Еще более пеструю картину представляло третье сословие, куда входила крупная, средняя и мелкая буржуазия, крестьяне, рабочие, ремесленники и прочие слои населения.

Лишенное политических прав и подавленное экономически, третье сословие явилось в своей массе движущей силой Великой французской революции. В своей знаменитой брошюре „Что такое третье сословие“, аббат Сиэс следующими словами, ставшими крылатыми, определил положение и притязания третьего сословия: „...1. Что такое третье сословие?—Все. 2. Чем оно было до сих пор в политическом отношении?—Ничем. 3. Чем оно желает быть?—Чем-нибудь“.

Идейными предшественниками Великой французской революции были крупнейшие мыслители, писатели и ученые XVIII в.: „энциклопедисты“ Вольтер, Руссо, Дидро, Д'Аламбер, Гельвеций, Гольбах, Бюффон, Кенэ и др. Их замечательные произведения пронизаны ненавистью к феодализму, абсолютизму и церкви. Господство Разума являлось их идеалом. Вступив в эпоху революции, третье сословие имело в своих руках прекрасное, отточенное идейное оружие.

Экономический кризис и голод конца 80-х годов, а также финансовое банкротство, к которому привела Францию безумная расточительная политика двора, довели до максимума недовольство широких

кругов французского общества. Население роптало. Каждый видел и ощущал необходимость коренных реформ и перемен.

Старый режим, беспомощный перед лицом надвигающихся событий, в судорожных поисках выхода из того катастрофического положения, в котором очутилась страна, был вынужден пойти на некоторые уступки и согласиться на созыв Генеральных штатов. Генеральные штаты не созывались с 1614 г. Они представляли собой совещательное учреждение, заседавшее раздельно по сословиям. Созванные в мае 1789 г. в условиях разраставшегося кризиса и голода и то там, то здесь вспыхивавших беспорядков, Генеральные штаты несли в наказах, данных избирателями своим депутатам, дыхание приближающейся революции.

Хотя штаты и были созваны раздельно по сословиям, волны революции снесли сословные перегородки. Уже 17 июня 1789 г. представителями третьего сословия было вынесено историческое решение о превращении сословных Генеральных штатов в единое Национальное собрание.

„Название „Национальное собрание“, — читаем мы в постановлении, — является единственным соответствующим собранию при настоящем положении дел, — во-первых, потому, что депутаты, входящие в его состав, являются единственными общеизвестными законно утвержденными представителями; во-вторых, потому, что они посланы непосредственно почти всей нацией; наконец, потому, что, так как представительство едино и нераздельно, ни один депутат, от какого бы класса или сословия он ни был избран, не имеет права выступать отдельно от настоящего собрания...“

Через некоторое время к третьему сословию присоединилась часть духовенства и дворянства. Король и его правительство пытались противодействовать этому решению, закрыв зал заседаний третьего сословия. Собравшись 20 июня в случайном, ставшем впоследствии историческим, помещении, в зале „игры в мяч“ (Jeu de paume), депутаты вынесли торжественное решение: „не расходиться и собираться повсюду, где потребуют обстоятельства, до тех пор, пока конституция не будет выработана и утверждена на незыблемых основах“.

Королевской власти пришлось уступить революционному напору, — вся страна и в частности революционные массы Парижа, сыгравшие такую огромную роль в революции, поддержали своих представителей. События в этот период быстро сменяются одни другими. 9 июля 1789 г. Национальное собрание объявляет себя Учредительным собранием. 14 июля восставший вооруженный народ захватывает Бастилию. В октябре 1789 г. народ вынуждает короля и Учредительное собрание переехать из Версаля в Париж. Здесь было легче осуществить для масс свой контроль над ними.

В „Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта“ Карл Маркс писал о революциях XVIII в. „Буржуазные революции, подобные революциям XVIII столетия, быстро несутся от успеха к успеху, в них драматические эффекты один ослепительнее другого. Люди и вещи как бы озарены бенгальским огнем, каждый день дышит экстазом; но они скоропреходящи, быстро достигают своего апогея, и общество

охватывает длительное похмелье, пока оно не сумеет трезво приспособиться к результатам своего периода бури и натиска“.

Да, перед нами эпоха бури и натиска французской буржуазии, когда она являлась еще революционным классом, боровшимся за утверждение нового общественного строя. „Как герои, так и партии и народные массы старой Французской революции, писал Маркс, осуществляли в римском костюме и с римскими фразами дело своего времени,—освобождение от оков и установление современного буржуазного общества“.

Учредительное собрание ликвидировало ряд феодальных пережитков, однако необходимо разоблачить легенду буржуазных историков о единении всей нации, когда в ночь на 4 августа 1789 г. депутатами Учредительного собрания якобы единодушно было принято решение об отказе от феодальных и сословных привилегий. Буржуазные историки изображают этот шаг как добровольный отказ от своих прав и преимуществ (конечно, за выкуп), как красивый, полный энтузиазма и благородства порыв. Они забывают сказать о том, что раздраженное крестьянство, не видя реальных результатов деятельности Национального и Учредительного собраний, самостоятельно приступило к разрешению аграрного вопроса. Горевшие замки и монастыри не могли не „подогреть“ дворянство и духовенство, которые предпочли уступить часть из боязни лишиться всего. Марат, пламенный революционер и народный трибун, в своей газете „Друг народа“ дал меткую характеристику классовой сущности „4 августа“: „Если эта жертва продиктована духом чистой благотворительности, то, надо сознаться, долгонько же пришлось ждать, пока она обнаружилась. Да, только при виде пламени своих пылающих замков они обрели в себе необходимое величие духа для того, чтобы отречься от своей привилегии держать в оковах людей, с оружием в руках завоевавших себе свободу. Только узрев возмездие, постигающее вымогателей, живодеров и охранителей деспотизма, они наконец обрели в себе великодушие отказаться от своих поземельных десятин и воздержаться от предъявления дальнейших требований к несчастным, которые едва могли влачить свое существование. Только услышав имена изгнанных (изгнанных из своих владений феодалов) и узнав о той судьбе, которая ждет их, они согласились оказать благодеяние: допустить к уничтожению их исключительное право на охоту и соблаговолить, чтобы дикие животные впредь уже не пожирали нас...“

Подводя итоги деятельности Учредительного собрания (1789—1791 гг.), приходится признать, что руководящие его круги делали все возможное, чтобы задержать дальнейший поступательный ход революции. Многие депутаты раскаивались даже в тех уступках, которые были сделаны 4 августа. Так например, один священник писал: „Я во всю раскаиваюсь с 4 августа“.

Законы, принятые Учредительным собранием, в сущности были направлены против интересов крестьянства, составлявшего большинство населения. Выкуп земли и других повинностей, налоговая и продовольственная политика свидетельствовали о защите интересов крупных собственников. Непрекращавшиеся крестьянские волне-

ния подавлялись с помощью созданной после революции буржуазной национальной гвардии. Рабочее законодательство затрагивало интересы рабочих, буржуазия открыто выступала против растущей активности и сознательности рабочих. По знаменитому закону Ле-Шапелье (14 июля 1791 г.), были запрещены всякие стачки и соглашения; полная свобода договора ставила рабочего в зависимость от предпринимателя. И даже факт конфискации и распродажи церковных земель и земель эмигрантов пошел главным образом на пользу обладавшим деньгами буржуазии и крестьянской верхушке.

Таким образом, уничтожая феодальные пережитки, Учредительное собрание прилагало все усилия для установления и укрепления буржуазных отношений. Энгельс так характеризует результаты этих побед: „Революция была победой третьего сословия, т. е. большинства нации, занятого в производстве и торговле, над до тех пор привилегированными сословиями — дворянством и духовенством. Но победа третьего сословия оказалась в действительности победой маленькой части этого сословия, она свелась к завоеванию политической власти социально привилегированной частью его, имущей буржуазией. К тому же эта буржуазия быстро развилась еще в процессе революции, — с одной стороны, при помощи спекуляции конфискованными и затем проданными земельными владениями дворянства и церкви, с другой — путем надувательства нации военными поставщиками. Именно господство этих спекулянтов привело в эпоху директории Францию и революцию на край гибели и дало вместе с тем предлог Наполеону для его государственного переворота“.¹

Памятниками деятельности Учредительного собрания являются: „Декларация прав человека и гражданина“ 1789 г. и конституция 1791 г. „Декларация“ — прекрасный образец того, к чему стремилась буржуазия на заре своего развития. В своей речи об итогах пятилетки и плане 1933 г. на III сессии ЦИК СССР (23 января 1933 г.) т. Молотов, противопоставляя этой „Декларации“ декрет советского правительства об охране общественной (социалистической) собственности, подчеркнул, что: „Декларация прав человека и гражданина“ делает своей основой частную собственность, т. е. собственность, основанную на эксплуатации одних людей другими людьми, провозглашая ее „неприкосновенным священным правом“ „человека и гражданина“. В этом и заключается истинный дух буржуазного государства...”

По конституции Франция была превращена в конституционную монархию. Таможенные перегородки между отдельными провинциями уничтожены, и страна разбита на 83 департамента. Население было разделено на активных и пассивных граждан. Избирателями могли быть только собственники. В число активных граждан попала лишь одна шестая часть французской нации.

Собравшееся (1 октября 1791 г.) в условиях разраставшейся гражданской войны, экономического и финансового кризиса, голода и дальнейшего ухудшения положения широких масс, Законодательное собрание не смогло разрешить задач, стоявших перед ним. Никаких

¹ Энгельс. „Анти-Дюринг“, изд. Соцэкгиз, стр. 243.

смелых, радикальных социально-экономических мероприятий по сравнению с принятыми Учредительным собранием не было проведено. Принцип охраны священной частной собственности оставался в силе. Состав Законодательного собрания свидетельствовал о том, что представительный орган „активных“ граждан не возглавит, а, наоборот, будет тормозить развитие революции. Правая, монархическая, часть Законодательного собрания (фелъяны) при поддержке центра была враждебна революции, левая часть,—в составе жирондистов и монтаньяров, представлявших интересы торговой и промышленной, а также мелкой буржуазии и выступавшей пока что единым фронтом,—боролась с происка́ми контрреволюции.

Дальнейшее развертывание революции вызвало консолидацию сил контрреволюции как внутри, так и вне Франции. Готовясь втайне к бегству (в июле 1791 г. король бежал неудачно в Варенн), король вел двойную игру, противодействуя всяким завоеваниям революции. Им были подкуплены генерал Лафайет, начальник буржуазной национальной гвардии, Мирабо и целый ряд других лиц. Эмиграция собирала свои силы на границе. Монархические Австрия и Пруссия готовились к крестовому походу против революции. Французская революция переросла национальные рамки, приобретя тем самым огромное международное значение.

20 апреля 1792 г. Законодательное собрание приняло решение о войне с Австрией. Опасность интервенции и контрреволюции и первые военные неудачи всколыхнули всю Францию. Под лозунгом „Отечество в опасности“ революционная Франция лихорадочно готовилась к отпору интервентам. 25 июля 1792 г. герцог брауншвейгский, главнокомандующий армией контрреволюции, выпустил манифест о борьбе с революционной Францией. Мы читаем в этом манифесте:

„Король Пруссии и император Австрии—имеют в виду прекратить анархию внутри Франции, положить конец нападка́м на трон и церковь, восстановить законную власть, возвратить королю безопасность и свободу, которой он лишен, и дать ему возможность осуществлять принадлежащую ему законную власть... Если будет причинено малейшее насилие или оскорбление их величествам королю, королеве и королевской семье, если немедленно же не позаботятся об их свободе, безопасности и охране,—они отомстят примерным и навсегда памятным образом, предав город Париж военной экзекуции и полному разрушению, а виновников в покушениях мятежников заслуженным ими казня́м“.

Колоссальный подъем охватил всю страну. Тысячи добровольцев стекались со всех концов Франции на помощь недостаточно еще организованной революционной армии. Под звуки „Марсельезы“, автором которой являлся Руже-де-Лиль, народ шел бороться за свою свободу.

Все эти события привели в итоге к уничтожению монархической Франции. Инициативу руководства революционной борьбой берут на себя уже секции парижской коммуны (муниципалитета). 10 августа восставшим народом король был свергнут и заточен.

На смену Законодательному собранию приходит (с 20 сентября 1792 г.) Национальный конвент, вписавший славную страницу

в историю революционной борьбы. В Конвенте, избранном уже на основе всеобщих выборов, мы видим дальнейшую перегруппировку сил. Правую сторону занимают жирондисты, центр — болото, из числа колеблющихся депутатов, левую — монтаньяры или „гора“. Инициативу дальнейшего развертывания революции берет теперь на себя мелкая буржуазия в лице левой половины Конвента во главе с Робеспьером, Сен-Жюстом и другими якобинскими вождями. Ленин писал о них: „Нельзя быть марксистом, не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам, которые имели всемирно-историческое право говорить от имени буржуазных „отечеств“, поднимавших десятки миллионов новых наций к цивилизованной жизни в борьбе с феодализмом“.¹

Провозгласив Францию республикой, введя новое республиканское летоисчисление, Конвент приступил к окончательной ликвидации монархических пережитков. 21 января 1793 г. согласно решению большинства Конвента были гильотинированы Людовик XVI и Мария-Антуанетта.

Против революционной Франции сплотились теперь не только Австрия и Пруссия, но и вся монархическая Европа, в том числе и Англия.

„Якобинцы 1793 г. были представителями самого революционного класса XVIII в., городской и деревенской бедноты. Против этого класса, расправившегося уже на деле (а не на словах) со своим монархом, со своими помещиками, со своими умеренными буржуа посредством самых революционных мер вплоть до гильотины, против этого истинно-революционного класса XVIII в. шли войной объединенные монархи Европы“.²

Несмотря на это, войскам революционной Франции, терпевшим до тех пор поражения (в августе и сентябре пали крепости Лонгви и Верден), удалось одержать целый ряд блестящих побед. В исторических битвах при Вальми (сентябрь 1792 г.) и Жемаппе (ноябрь 1792 г.) были разбиты войска Пруссии и Австрии. Войска революционной Франции, вступив на территории других государств, несли закрепощенным народам освобождение от пережитков феодализма. На знаменах французских батальонов гордо звучали слова: „Французский народ восстал против тиранов“.

В рядах самого Конвента происходит борьба между жирондистами и монтаньярами. Мы видим, что все попытки ограничить частную собственность ведут к саботажу со стороны жирондистов. Однако в условиях жестокого кризиса, катастрофического падения цен, усиливавшегося голода, Конвент под давлением революционных секций парижской коммуны принимает закон о твердых ценах на хлеб.

Под влиянием опасности извне и внутри (контрреволюционное восстание в Вандее) в марте и апреле 1793 г. создаются революционный трибунал, комитет общественной безопасности и комитет общественного спасения (в составе 9 человек), сосредоточивший всю полноту власти в своих руках.

¹ Ленин, т. XVIII, стр. 250.

² Ленин, т. XX, стр. 505.

Поступательный ход революции отбросил жирондистов в лагерь контрреволюции. В июне 1793 г. они были изгнаны из Конвента. Часть их вождей гильотинирована. Власть целиком переходит в руки якобинцев.

„В первой французской революции за господством конституционалистов следует господство жирондистов, а господство жирондистов сменяется господством якобинцев. Каждая из этих партий опирается на более передовую. Как только данная партия довела революцию настолько далеко, что уже не в состоянии более следовать за ней и тем менее возглавлять революцию,— ее отстраняет и отправляет на гильотину стоящий за ней более смелый союзник. Революция движется, таким образом, по восходящей линии“ (Маркс).

Будучи в основном представителями мелкой буржуазии, якобинцы не вели и не могли вести решительной борьбы с собственностью. Они выступали против крупной собственности, но не против собственности вообще. Даже наиболее левые группировки среди якобинцев, выражавшие интересы беднейших слоев населения, ремесленников и рабочих Парижа, как эбертисты (во главе с Эбером и Шометом и „бешеные“ (во главе с Жаком Ру и Варле), и те не могли отрешиться от своей мелкобуржуазной ограниченности. Пролетариат тогда еще не созрел как класс. Маркс указывает, что во время Великой французской революции „буржуазия была тем классом, который действительно стояла во главе движения. Пролетариат и не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения либо не имели еще отдельных от буржуазии интересов, либо еще не составляли самостоятельно развитого класса или части класса.

Поэтому там, где они выступали против буржуазии, например в 1793 и 1794 гг., во Франции они боролись только за осуществление интересов буржуазии, хотя и не на буржуазный манер. Весь французский терроризм представлял не что иное, как плебейскую манеру расправы с врагами буржуазии, абсолютизмом, феодализмом и филистерством.

Революции 1648 и 1789 г. не были английской и французской революциями; это были революции европейского масштаба. Они представляли не победу одного определенного класса общества над старым политическим строем: они провозглашали политический строй нового европейского общества. Буржуазия победила в них; но победа буржуазии означала тогда победу нового общественного строя, победу буржуазной собственности над феодальной, нации над провинциализмом, конкуренции над цеховым строем, разделения собственности над майоратом, господство собственника земли над подчинением собственника земле, просвещения над суеверием, семьи над фамильным именем, промышленности над героической ленью, буржуазного права над средневековыми привилегиями...“¹

Конвентом были окончательно ликвидированы без всякого выкупа все феодальные права и сеньориальные повинности. Крестьянство получило землю. Были увеличены налоги с богатых, изданы декреты о максимуме, о борьбе со спекуляцией. Для окончатель-

ного подавления контрреволюции внутри страны (Вандея, Лион и др.) был введен беспощадный террор. Железная рука революции сумела расправиться со своими врагами. Замечательным памятником деятельности Конвента является конституция 1793 г., носящая черты широкого демократизма... Ленин высоко ценил якобинцев. „Якобинцы 1793 г.,—писал он,—вошли в историю великим образцом действительно революционной борьбы с классом эксплуататоров со стороны взявшего всю государственную власть в свои руки класса трудящихся и угнетенных...“ „Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших подъемов угнетенного класса в борьбе за освобождение. Якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции и отпора коалиции монархов против республики. Полной победы не суждено было завоевать якобинцам, главным образом потому, что Франция XVIII в. была окружена на континенте слишком отсталыми странами, потому что в самой Франции не было материальных основ для социализма, не было банков, синдикатов капиталистов, машинной индустрии, железных дорог“.¹

Последние слова Ленина дают нам ясное представление об основных причинах поражения якобинцев. Реальное выражение это нашло в перевороте 9 термидора (27 июля 1794 г.) и казни Робеспьера и его ближайших сторонников.²

Формально Конвент продолжал существовать и после падения Робеспьера, однако 9 термидора явилось началом конца революции. Подняли голову представители новой буржуазии, нажившейся на спекуляциях, скупке земель и поставках на армию. Они получили все, что могли получить от революции, и боялись дальнейшего ее развертывания. Началось шествие контрреволюции. Ликвидируется постепенно целый ряд революционных завоеваний. Отменяется конституция 1793 г. Закрывается якобинский клуб. Появившаяся „золотая молодежь“ открыто демонстрирует на улицах и в общественных местах свою контрреволюционность. Подавляются отдельные революционные вспышки, в числе лозунгов которых были: „Хлеба и конституции 1793 г.“. Началось „длительное похмелье“ (Маркс) французского общества.

С роспуском Конвента власть перешла в руки директории (1795—1799 гг.), а затем, после переворота 18 брюмера—консульства (1799—1804 гг.). При поддержке армии, ставшей теперь решающей силой, первым консулом был избран генерал Бонапарт, будущий император Франции (1804—1815 гг.).

Несмотря на установление императорской власти и последующую реставрацию Бурбонов (1815—1830 гг.), ничто уже, однако, не могло помешать свободному развитию буржуазной Франции...

Великая французская революция оказала огромное идеологическое воздействие на все сферы человеческой жизни как внутри, так и вне Франции.

¹ Ленин, т. XX, стр. 556.

² В начале 1794 г. Робеспьер ликвидировал не согласных с его политикой эбертистов и „бешеных“. Несколько позднее Робеспьер покончил также с дантонистами во главе с Дантоном и К. Демуленом.

На смену классового мировоззрения феодально-дворянских кругов приходит и укрепляется мировоззрение нового буржуазного общества, воспитанного на идеях великих мыслителей XVIII в. Естественно, что возникновение нового быта, новых нравов, нового искусства вызывало и в этих сферах классовую борьбу.

Антирелигиозные настроения, охватившие Францию в период господства Конвента, привели к установлению новых культов. Парижская коммуна (городское самоуправление) в ноябре 1793 г. вынесла следующее решение, которое было подхвачено в провинциях: „Принимая во внимание, что парижский народ отказался признавать какой-либо другой культ, кроме культа Истины и Разума, Генеральный совет коммуны постановляет: 1) что все церкви или храмы всевозможных вероисповеданий, существующих в Париже, будут немедленно же закрыты; 2) что все священнослужители, к какому бы культу они ни принадлежали, будут лично и индивидуально ответственны за те слухи, источником которых окажется религиозные мнения“ и т. д. Робеспьер, претворяя в жизнь идеи Руссо, провел через Конвент постановление о культе Верховного существа: „1) французский народ признает существование Верховного существа и бессмертие души; 2) он признает, что культ, достойный Верховного существа, заключается в выполнении человеком его обязанностей“.

Революция создает свои празднества, в организации и оформлении которых принимают участие лучшие художники (Давид), музыканты (Госсек), артисты. Многолюдные манифестации, аллегорические представления и празднества в честь Разума и Верховного существа, Свободы, Истины и Природы неоднократно и торжественно организуются в Париже и провинции.

На смену старому придворному театру, где актеры развлекали раззолоченную публику, приходят новые революционные театры, с новым классовым репертуаром. Подтверждением этого является хотя бы репертуар эпохи якобинской диктатуры, когда ставятся такие пьесы, как „Испытание республиканца или любовь к Родине“. Классовая борьба происходит и за кулисами. Революционно настроенные актеры французской комедии создают „Красную эскадру“ в отличие от „Черной эскадры“ — группировки бывших придворных развлекателей, мечтающих о прежних привилегиях и былом блеске королевского двора.

Только революция дает возможность такому артисту, как Тальма, развернуть свой блестящий талант (например в ролях Карла IX, Генриха VIII и др.) и явиться создателем нового стиля театральной игры.

Пафос Великой французской революции не мог не оказать влияния и на таких гениальных современников революции, как Гёте и Бетховен. Немецкий поэт А. Клопшток с энтузиазмом писал: „Франция завоевала себе свободу. Это — величайшее дело века, достигающее вершин Олимпа. О, Германия, неужели ты в своей жалкой ограниченности не можешь постигнуть этого? Неужели твой взгляд не может проникнуть через ночные туманы? Посмотри все анналы мировой истории и найди в них, если можешь, хоть что-нибудь подобное тому, что совершается там“.

И действительно, Великая французская революция является собой классический образец рождения в буре и натиске нового общественного строя.

Г. Рейхберг.